

Русская революция как опытное опровержение социализма: версия Макса Вебера

Тимофей Дмитриев

Кандидат философских наук, доцент школы культурологии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: tdmitriev@hse.ru

Макс Вебер принадлежит к числу тех социальных ученых, кто одним из первых дал критический анализ социалистического эксперимента 1917–1920 годов. Принципиальное значение этого сегмента наследия Вебера для сегодняшнего дня заключается в том, что интерпретация опыта революции в России осуществляется им не только с практико-полемических, но также и с теоретико-социологических позиций. Основное внимание в статье уделяется данной Вебером трактовке революции в России с точки зрения практических результатов большевистской политики и проведенному им сопоставлению политики большевиков в годы Русской революции и Гражданской войны 1917–1920 годов с доктринальными положениями марксистского социализма. В статье рассматривается также тезис Вебера о неизбежной бюрократизации социалистического общества и предложенная им в работе «Хозяйство и общество» сравнительная оценка экономической эффективности рыночной и плановой экономики. В заключение формулируются соображения о том эвристическом потенциале, который работы Вебера, посвященные Русской революции 1917 года и последовавших за ней событий, могут иметь для современных исследований истории советского общества.

Ключевые слова: Русская революция, социализм, большевистская партия, государственная бюрократия, плановое хозяйство, бюрократизация

Ich bin absolut überzeugt, daß diese Experimente nur zu einer Diskreditierung des Sozialismus für 100 Jahre führen *können* und werden.

[Я абсолютно убежден, что эти эксперименты *могут* иметь и будут иметь в качестве своего следствия одну лишь дискредитацию социализма на ближайшие сто лет.]

Письмо Макса Вебера Георгу Лукачу, март 1920 г.

В своей книге «Социалистическое хозяйство: теоретические мысли по поводу русского опыта», изданной в Берлине в 1923 году, российский экономист Борис Бруцкус писал: «Русская социальная революция имеет всемирно-историческое

значение со многих точек зрения. Она его имеет и в том отношении, что впервые попыталась перенести социализм с высот радужной мечты на землю суровой действительности; она не говорила о социализме, она его строила» (Бруцкус, 1999 [1923]: 5). Как показывает исторический опыт, подобная теоретическая постановка вопроса о Русской революции как практическом осуществлении доктрины марксистского социализма оказалась необычайно плодотворной в эвристическом отношении. Она не только позволила дать оценку социалистической революции в России с точки зрения последствий воплощения на практике базовых положений марксистской революционной доктрины, но и породила целую волну споров между учеными и интеллектуалами о советском социализме в социальных науках и политических дебатах XX века. Тем интереснее в этом контексте звучат теоретические позиции и социально-политические оценки тех европейских социальных ученых и интеллектуалов, которые «первыми смогли почуять важное» (Ю. Хабермас), еще на самом начальном этапе социалистического эксперимента в России узрев в советском опыте практического осуществления социализма важные уроки и предостережения не только для самой России, но и для судеб всей западной современности. В нашем случае речь пойдет о крупнейшем социальном и политическом мыслителе Германии начала XX века — Максе Вебере. Применительно к теме нашей статьи важно то, что Вебер был одним из первых социальных ученых, давших в высшей степени поучительный анализ социалистического эксперимента 1917–1920 гг. в России¹. При этом принципиальное значение имеет то, что критический анализ опыта практического осуществления социализма в России проводился Вебером не только с *практико-полемиических*, но также и с *теоретико-социологических* позиций, что, безусловно, придает особую тональность его суждениям и оценкам.

Исторический смысл Русской революции 1917 года для Запада Вебер усматривал в том, что благодаря захвату власти большевиками социализм превратился из доктринального идеала в *практическую* задачу. В своем анализе прихода к власти партии большевиков Вебер исходит из предпосылки, что их политика, получившая впоследствии название «военного коммунизма», была продиктована не только решением тактических задач выживания большевистского режима, но и представляла собой попытку построить новое общество по лекалам марксистского социализма, своего рода фронтальную «красногвардейскую атаку» на капитал,

---

1. Наряду с уже упомянутым выше Борисом Бруцкусом, опубликовавшим зимой 1922 года в издававшемся в Советской России журнале «Экономист» цикл статей под названием «Проблемы народного хозяйства при социализме» (Бруцкус, 1922), которая впоследствии в виде брошюры вышла по-русски в Берлине в 1923 году (Бруцкус, 1999 [1923]), и австрийским экономистом Людвигом фон Мизесом, опубликовавшим сперва в апреле 1920 года статью «Хозяйственный расчет в социалистической экономике» (Mises, 1920) (Вебер прямо ссылается на нее в «Хозяйстве и обществе» [Weber, 1976a: 58]), а затем и целую книжку, посвященную в том числе анализу социалистического эксперимента в России (Mises, 1922). К числу социальных ученых, уже в первые годы советского строя пытавшихся дать оценку причинам его возникновения и последствиям существования не только с политико-полемиических, но в первую очередь с социально-теоретических позиций, следует отнести также российского социолога Питирима Сорокина (1889–1968) и экономиста Петра Струве (1870–1944).

как впоследствии назовет ее итальянский философ-марксист А. Грамши. Отсюда и у участников, и у наблюдателей этого невиданного социального эксперимента напрашивалось предположение, что по результатам политики военного коммунизма можно судить также о теоретической и практической состоятельности доктринальных положений марксистского социализма. Именно на это предположение и ориентировался, по всей видимости, Вебер в своем анализе опыта Русской революции. Для Вебера было не менее очевидно, что к 1920 году эта попытка создания нового общества и хозяйства по доктринальным рецептам марксистского социализма окончилась полным крахом² и что большевикам удавалось удерживать власть лишь благодаря использованию старых буржуазных методов организации труда, производства и управления в сочетании с военно-полицейскими методами принуждения (Красная Армия, ВЧК, революционные трибуналы) и превращения подконтрольной им части бывшей Российской империи в один большой военный лагерь.

Анализ Вебером опыта практического осуществления социализма в России нашел свое выражение прежде всего в его политических выступлениях и публикациях 1917–1919 годов, особое место среди которых занимает его доклад «Социализм», прочитанный в Вене 13 июня 1918 года перед офицерами императорской и королевской австро-венгерской армии, а также в соответствующих разделах работы «Хозяйство и общество», писавшихся или перерабатывавшихся им в 1919–1920 годах³. Именно на этих текстах мы сосредоточим внимание в нашей статье, привлекаемая — по мере необходимости — также иные работы и выступления выдающегося немецкого мыслителя.

---

2. Уже летом 1918 года Вебер был вынужден констатировать по поводу политики большевиков, что «этот эксперимент до сих пор вызывает не слишком много воодушевления» (Вебер, 2003b: 337).

3. Как отмечает Вольфганг Моммзен, к моменту скорострительной кончины Макса Вебера, следовавшей 20 июня 1920 года, только часть его *opus magnum* была готова к публикации, включая главу «Основные социологические понятия» (*Soziologische Grundbegriffe*), главу «Основные социологические категории хозяйствования» (*Soziologische Grundkategorien des Wirtschaftens*), главу «Три типа легитимного господства» (*Drei reinen Typen der legitimen Herrschaft*) и фрагмент главы «Словия и классы» (*Stände und Klassen*), работа над которой не была завершена. Первые три главы, как настаивает Моммзен, «представляют ту часть большого проекта, которая была полностью завершена. С небольшими исправлениями, носящими по преимуществу технический характер и принадлежавшими Марианне Вебер и Пальи, эти тексты следует признать единственными, которые сохранились в их оригинальной форме» (Моммсен, 2000: 383). В этих текстах, которые были отпечатаны еще до смерти Вебера и несут на себе следы его рукописной правки, мы имеем дело, как констатирует В. Моммзен, «с совершенно иным видом исторической социологии, чем прежде. Несмотря на то что она сохраняет всемирно-историческую перспективу и глобальный охват, характерный для ранних рукописей, она тем не менее больше не руководствуется эволюционной точкой зрения, какой бы широкой она ни была, а представляет собой систематическую презентацию различных типов социального поведения, идущих от чисто аффективного к формально-рациональному действию. Большое разнообразие альтернативных типов социального действия, осуществляемого различными социальными институтами, и иллюстрируемых обращением к широкому кругу исторических примеров дает читателям возможность делать свои собственные выводы» (Моммсен, 2000: 382).

«Крупный эксперимент проводится сейчас в России»

«Крупный эксперимент проводится сейчас в России» (Вебер, 2003b [1918]: 336), — так говорил Вебер, выступая перед офицерами австро-венгерской армии в июне 1918 года. В данном случае он имел в виду эксперимент по практическому осуществлению социализма, начатый большевиками после их прихода к власти в октябре 1917 года. Несмотря на то что в условиях продолжавшейся войны действия военной цензуры существенно затрудняли получение достоверной информации из России, на основании того немногочисленного, что было известно, Вебер ставил эксперимент большевиков с «диктатурой пролетариата» и полномасштабным обобществлением хозяйства не слишком высоко. Соглашаясь с тем, что заключение мирного договора с центральными державами в Брест-Литовске позволило большевикам рассчитывать на временную передышку, Вебер тем не менее полагал, что их шансы удержаться у власти были невелики.

Разъясняя свою мысль офицерам союзной страны, Вебер отмечал, что в отношении социалистического эксперимента в России в академических и политических кругах немецкого общества (в широком смысле, включая сюда и австрийское) наметились два основных подхода. «Лица, заинтересованные в Брестском мире и стоявшие на буржуазных позициях, выступали за него, так как говорили себе: пусть ради Бога большевики проводят свой эксперимент, он, конечно, уйдет в песок, и тогда это послужит устрашающим примером; мы же были за мир по другой причине, так как говорили: если эксперимент удастся, и мы увидим, что там возможна культура, то они обратят нас в свою веру» (Вебер, 2003b [1918]: 337). Для того чтобы понять, о каких альтернативных подходах к социалистическому эксперименту в России в данном случае идет речь, необходимо обратиться к мемуарам австрийского банкира Ф. Зомари, проливающих интересный свет на предысторию веберовского выступления⁴.

Весной 1918 года посетители венского кафе «Ландман» на Рингштрассе, что напротив Венского университета, стали невольными свидетелями спора между несколькими уважаемыми господами, который, начавшись вполне мирно, затем перерос в ожесточенную перепалку и кончился тем, что один из участников спора в сильном волнении выбежал на улицу. Этот спор в кафе разгорелся между Максом Вебером и австрийским экономистом Йозефом Шумпетером⁵. Вебер пришел на встречу в сопровождении Людо Морица Гартмана, специалиста по античной истории; поводом для встречи послужила необходимость обсудить важный академический вопрос. Однако в ходе разговора речь зашла о революции в России. Шумпетер заявил, что благодаря ей социализм перестал быть «бумажной дискуссией» и теперь вынужден доказывать свою жизнеспособность на практике. На что Вебер возразил, что попытка ввести социализм в России, учитывая уровень ее

4. В данном случае последующее изложение строится на воспоминаниях Зомари, который описал эту перепалку в своих мемуарах: Zomary, 1994: 178–180.

5. Я уже имел возможность коснуться вкратце этого эпизода в статье: Дмитриев, 2014: 319–320.

экономического развития, есть, по сути дела, преступление и что социалистический эксперимент неминуемо окончится катастрофой. В ответ Шумпетер холодно заметил, что такой исход вполне вероятен, но что Россия при этом представляет собой «прекрасную лабораторию». Тут Вебер не выдержал и взорвался: «Лабораторию с горой трупов!» Шумпетер парировал: «Как и любой другой анатомический театр». Спор перекинулся на социальные изменения, вызванные войной. Вебер начал критиковать Великобританию за отход от либерализма, Шумпетер возражал ему. Вебер, как вспоминает Зомари, говорит «все резче и громче, Шумпетер — саркастичнее и тише». К спору начали прислушиваться посетители кафе. Наконец, Вебер в сильном возбуждении вскочил со своего места и со словами «Это уже невозможно выносить!» выбежал из кафе на Рингштрассе. Гартман догнал его, вручил забытую в кафе шляпу и попытался успокоить, но все напрасно. На что Шумпетер флегматично заметил: «Ну как можно поднимать такой крик в кафе?»

Очевидно, что и в споре с Шумпетером в кафе «Ландман», и в выступлении перед офицерами австро-венгерской армии речь у Вебера шла об одной и той же теме: об отношении к социалистическому эксперименту в России. Существо этого спора состояло в том, что социалистическую революцию в России многие западные ученые и интеллектуалы рассматривали как важнейшую проверку идей марксистского социализма, способную дать ответ на вопрос о его теоретической и практической состоятельности в качестве масштабного проекта переустройства современного мира. Ставка была необычайно высока, поскольку на кону стояла сама идея марксистского социализма как общества без частной собственности на средства производства, в котором устранена «анархия» капиталистического способа производства и эксплуатация человека человеком, а процессы общественного производства и потребления осуществляются рационально и планомерно в интересах всего общества.

Что касается позиции Вебера в этих дебатах, то он с самого начала довольно скептически отнесся к большевистскому перевороту в Петрограде в октябре 1917 года, полагая, что большевикам удастся продержаться самое большее несколько месяцев⁶. «В любом случае их правительство, — писал он в феврале 1918 года, — это правительство ничтожного меньшинства. Оно опирается на значительную часть уставшей от войны армии. В силу обстоятельств (и совершенно независимо от искренности их идеологических убеждений) они обречены на чисто военную диктатуру, и при этом не диктатуру генералов, а диктатуру капралов» (Weber, 1988b [1918]: 292). Было бы в высшей степени смехотворно считать, писал Вебер, обращаясь к немецким социал-демократам, что за большевиками стоит «„классово сознательная“ масса пролетарского образца. За ними стоит *солдатский* про-

6. Впрочем, власти большевиков давало от силы несколько недель и подавляющее большинство представителей российского образованного класса. «Все интеллигентное общество, стоявшее вне революционных кругов, — писал в своих воспоминаниях известный русский философ Н. О. Лосский, — было уверено, что партия, увлеченная фантастически утопическим планом Ленина осуществить социализм в экономически отсталой стране и состоящая из лиц, не знакомых с практикою государственной деятельности, продержится у власти не более трех недель» (Лосский, 1991: 176).

летариат» (Weber, 1988b [1918]: 292–293). Сходных оценок о нежизнеспособности политического режима, установленных большевиками в России, Вебер продолжал придерживаться и впоследствии, считая падение большевизма предрешенным. «Большевизм, — подчеркивал Вебер, — это такая же военная диктатура, как и любая другая, и, как и любой другой военной диктатуре, ей суждено потерпеть крах» (Weber, 1988c [1918]: 365). Впрочем, несмотря на то что Вебер явно ошибался, давая столь опрометчивые оценки перспективам удержания власти большевиками, его наблюдения по поводу социального характера большевизма продолжают и сегодня представлять несомненный интерес. На примере Октябрьского переворота 1917 года и последовавшего за ним социалистического эксперимента в России Вебер показывает, какие *социальные* предпосылки лежали в основе этого на первый взгляд чисто *политического* события и к каким *социальным* последствиям им суждено было привести.

С точки зрения Вебера, характер большевизма как революционного движения в решающей степени определялся не социалистическими идеалами и лозунгами, декларируемыми вождями большевиков, но материальными интересами их последователей — части радикально настроенных рабочих и деклассированной солдатской массы⁷. Анализируя шансы большевиков на удержание завоеванного ими политического господства, Вебер исходил из того, что материальные интересы последователей и попутчиков большевизма в лице солдатских и народных масс будут раз за разом превозмогать и посрамлять интересы и идеалы их вождей. «Какие бы цели ни преследовали петербургские литераторы (*die Petersburgen Literaten*), их аппарат власти — солдаты — ждут и требуют только одного: *зарплаты* и *военной добычи*. И этим определяется все» (Weber, 1988b [1918]: 293). Иными словами, Вебер полагал, что опора на деклассированную и деморализованную солдатскую массу и на вооруженные отряды Красной Гвардии ставила большевиков в решающую зависимость от их поддержки.

В связи с анализом социальной базы большевизма Вебер много писал и говорил о тех, кто «живет не *ради* революции, а *за счет* нее», т. е. о социальных паразитах, в первую очередь заинтересованных в том, чтобы ситуация революционного хаоса и анархии продолжалась как можно дольше. Именно в этом, по его мнению, заключалась как «сущность большевизма» в России, так и родственных ему политических движений в самой Германии (Вебер, 2003c [1918]: 349)⁸. В современном мире, доказывал Вебер в своем докладе «Политика как призвание и профессия», судьба всякого политика, который желает при помощи насилия установить царство абсолютной справедливости, решающим образом определяется его способностью предложить своим последователям такое материальное и символическое

---

7. «Люди, — специально подчеркивал Вебер в статье „Переход России к псевдодемократии“ (1917), — нуждаются прежде всего в материальных средствах существования» (Weber, 1988a [1917]: 199).

8. «До тех пор, — добавляет Вебер, — пока кормящимся из революционной кормушки прихлебателям хватает пропитания, они совершенно не заинтересованы в окончании теперешней ситуации» (Вебер, 2003c [1918]: 349).

вознаграждение, которое могло бы их устроить. При всей своей гениальности и целеустремленности он не сможет осуществить свою политическую программу без опоры на аппарат власти, которому ради того, чтобы он выполнял его приказы, он должен не только пообещать, но и обеспечить необходимое — внутреннее и внешнее — вознаграждение. Под «внутренним вознаграждением» Вебер понимает «утоление ненависти и жажды мести», а также «потребности в псевдоэтическом чувстве безусловной правоты, поношении и хуле противников», тогда как «внешнее вознаграждение — это авантюра, победа, добыча, власть и доходные места» (Вебер, 1990а [1919]: 702). Как отмечал Вебер,

успех вождя полностью зависит от функционирования подвластного ему человеческого аппарата. Поэтому зависит он и от *его* — а не своих собственных мотивов — то есть от того, чтобы свите: Красной Гвардии, провокаторам и шпионам, агитаторам, в которых он нуждается, эти вознаграждения доставлялись *постоянно*. То, чего он фактически достигает в таких условиях, находится поэтому вовсе не в его руках, но предназначено ему преимущественно низкими мотивами действия его свиты, которые можно удерживать в узде лишь до тех пор, пока честная вера в его личность и дело воодушевляет по крайней мере часть товарищества. (Вебер, 1990а [1919]: 702)

Массовая низовая поддержка большевистского переворота со стороны рабочих, солдат и крестьян была вызвана их иррациональной ненавистью к имущим классам и стремлением к переделу общественного богатства на уравнилельно-коммунистических началах. Без такой поддержки деклассированных солдатских масс, желавших «зарплаты и военной добычи», и крестьян, стремившихся к захвату частновладельческих земель, новая большевистская власть не могла бы продержаться и нескольких недель. В России, писал Вебер, имея в виду В. И. Ленина, «диктатор появился с помощью *военной силы* и будучи поддержан солидарными интересами получившего землю *крестьянства*» (Weber, 1976a: 163).

Однако подобный объяснительный тезис, построенный по модели «короля играет свита», упускал из виду одно немаловажное обстоятельство: «истинный» большевизм радикальной революционной интеллигенции, составлявшей партийную элиту, а после октября 1917 года — еще и костяк аппарата управления будущего социалистического государства, оказался намного более дееспособным в том, что касалось удержания захваченной власти. Несмотря на то что Вебер прекрасно отдавал себе отчет в той роли, которую в революционных событиях как 1905, так и 1917 года сыграла русская революционная интеллигенция, он явно не ожидал, что ее радикальное крыло в лице большевиков окажется обладающим столь сильной волей к власти и к тому же способным в кратчайшие сроки создать новое и довольно жизнеспособное социалистическое государство. Как в свое время и Вебер, современные историки ищут объяснения этого примечательного явления в гипотезе о существовании «двух большевизмов», одного — государственнического большевизма партийной элиты и другого — антигосударственного и уравнилель-

но-распределительного «солдатского большевизма», временный и, как показало дальнейшее развитие событий, противоестественный альянс между которыми помог большевикам в конце 1917 — начале 1918 года удержаться у власти. Как отмечает Андреа Грациози, крестьяне и национальные меньшинства на первых порах поддерживали новое большевистское правительство исключительно потому, что оно осуществляло *их* программу. По словам Грациози,

в этом заключалась суть «двойственности» Октября, когда строго государственническая партия взяла власть, опираясь на движение с сильно выраженными местными и национальными тенденциями. Эта двойственность проявилась в *двух большевизмах* конца 1917 и начала 1918 года. С одной стороны, это был большевизм крестьян и солдат, но также и рабочих. С другой стороны, «истинный» большевизм небольшой политической элиты, которая присвоила себе это имя. Смещение этих двух начал не могло длиться долго, но в конце 1917 года данная двойственность еще существовала также и потому, что Петроград был слишком занят созданием начальных органов нового государства, чтобы противостоять тому, что происходило на местах. (Грациози, 2016: 36)

В итоге из «двух большевизмов» уже в довольно скором времени (летом 1918 года) верх взял вовсе не тот, которому отводил руководящую роль Вебер. Победителем вышел не солдатский большевизм деклассированных масс, а государственнический большевизм партийной элиты, которая довольно быстро смогла организовать дееспособные органы власти и создать победоносную Красную Армию. Иными словами, констатирует Стефан Бройер, Вебер явно заблуждался, оценивая сравнительный властный потенциал двух главных действующих лиц русской драмы — народного большевизма солдат, крестьян и рабочих и «истинного большевизма» партийной элиты, вышедшей из рядов русской революционной интеллигенции. «Переоценивая роль первого, он явно недооценивал роль последнего — возможно потому, что считал, что история, зная множество случаев того, как интеллектуалы выступали в роли слуг государства (в то время как другие предпочитали аполитичное бегство от реальности), не знала ни одного случая того, чтобы интеллектуалы могли разрушить государство, а затем восстановить его в соответствии со своими собственными идеями» (Breuer, 1992: 272).

Будучи уверенным в крушении большевистского режима в обозримом будущем, Вебер ожидал появления на его месте еще более реакционного правительства. Та же самая судьба ожидала и Германию, если бы здесь к власти удалось прийти общественным силам и движениям, в политическом плане родственным большевизму. Задаваясь вопросом, к чему может привести социалистическая революция в Германии в условиях мировой войны и хозяйственной разрухи, он приходил к выводу о том, что итогом такой революции могла бы стать, помимо победы стран Антанты над немецким отечеством, только хозяйственная и политическая реакция, которая «на развалинах государства» «может привести к господ-

ству заинтересованных лиц из крестьян и мелкой буржуазии, т. е. радикальнейших противников *всякого* социализма (так, вероятно, и произойдет). Но все-таки прежде всего она причинит невообразимые потери капитала и дезорганизацию, т. е. замедление требуемого марксизмом общественного развития, каковое ведь предполагает непрерывно возрастающее насыщение экономики капиталом» (Вебер, 2003b [1918]: 339–340).

Отсюда Вебер делает необычайно важный вывод, согласно которому «с точки зрения надежд на социалистическое будущее перспективы революции во время войны являются наихудшими из всех возможных вариантов даже в случае успеха революции. То, что революция в наиболее благоприятном случае могла бы принести — приближение политического законодательства к той его форме, к которой стремится демократия, — революция социализму не даст из-за *хозяйственно* реакционных последствий, каковые она обязательно возымеет. И этого тоже ни один социалист, будучи честен, не сможет опровергнуть» (Вебер, 2003b [1918]: 340).

«Наступает диктатура чиновника»

Однако главные возражения Вебера против социалистического эксперимента в России производны от разработанной им систематической теории бюрократии⁹. Согласно Веберу, одной из принципиальных черт современного мира является сосредоточение функций управления всеми сторонами общественной жизни в руках профессиональной бюрократии. Современная рациональная бюрократия характеризуется такими признаками, как наличие постоянного места работы, постоянного жалованья, пенсии по выслуге лет, поэтапная служебная карьера, профессиональная выучка, разделение труда внутри бюрократического аппарата управления, обладание специализированными компетенциями, действие на основе формально утвержденного законодательства, а также иерархическая упорядоченность чинов. Сфера деятельности различных аппаратов бюрократического управления имеет строго очерченную область полномочий, сами же чиновники не выбираются, а назначаются в соответствии с мерой их компетенции. Кроме того, говоря о современном демократическом «массовом государстве», Вебер подчеркивает, что сам характер функционирования и развития современного капиталистического общества требует распространения бюрократического типа господства, поскольку современные общества, в отличие от традиционных, являются более масштабными по своим размерам и более сложными по своему устройству и организации, а потому они нуждаются в более рациональных формах управления. Из этого следует, что бюрократии как рациональному способу организации управления делами современного общества нет серьезной альтернативы.

---

9. На это обстоятельство обращали внимание практически все исследователи творчества Вебера, которые в своих работах затрагивали эту проблему: Mommsen, 1959: 275–276; Beetham, 1985: 202–203; Parkin, 2002: 104–105; 118; Kaube, 2014: 331–335.

На этом основании Вебер подвергает уничтожающей критике социалистическую иллюзию о том, что с помощью социальной революции и упразднения частной собственности на средства производства можно положить «конец *любому* господству человека над человеком» (Вебер, 2003b: 321). В развитом индустриальном обществе, в котором довлеет «неизбежная и универсальная бюрократизация», невозможно устранить структуры господства, можно только сделать более открытым доступ к занятию в этих структурах определенных постов. Вебер писал:

Современная демократия повсюду, где она является демократией большого государства, представляет собой демократию бюрократизированную. Так и должно быть, ибо современная демократия заменяет знатных дворян или прочих чиновников, работающих на общественных началах, оплачиваемым чиновничеством. Этот процесс идет повсюду, он идет даже внутри партий. Это неизбежно, и вот первый факт, с которым должен считаться и социализм: необходимость много лет получать профессиональное образование, непрерывно углубляющаяся профессиональная специализация, а также участие в управлении получившего специальность профессионального чиновничества. Иначе современным хозяйством управлять невозможно. (Вебер, 2003b [1918]: 308).

Кроме того, Вебер доказывает, что «отделение работника от средств производства» в современном индустриальном обществе вызвано не частной собственностью на средства производства, как считал Маркс и его последователи, но является технологической необходимостью и распространяется на все важнейшие социально-профессиональные группы общества модерна (чиновники, служащие, ученые, преподаватели, военные). Поэтому Веберу представляется совершенно необидительной уверенность сторонников марксистского социализма в том, что упразднение частной собственности на средства производства приведет к упразднению не только капитализма, но и отчуждения и эксплуатации человека человеком. Совсем наоборот: упразднение частной собственности на средства производства и тесно связанной с ней категории частных предпринимателей еще сильнее подхлестнет тенденцию к «неизбежной и универсальной бюрократизации» современного общества, поскольку последняя является «формально *наиболее рациональной* формой осуществления господства» и в качестве таковой «она сегодня просто необходима для потребностей управления (личного или вещного) массами» (Weber, 1976a: 128).

Иными словами, преобладание рационального бюрократического управления является отличительной чертой обществ модерна как таковых, для которых характерно отделение работников от средств производства, обусловленное технологическими соображениями. Эту особенность современных обществ и управления ими Вебер трактует предельно широко. Речь идет об отделении от средств производства не только наемных работников, но и специалистов в области управления — в бюро и офисах, ученых и преподавателей — в лабораториях и аудиториях,

военных — в армии и т. д. «Итак, повсюду одно и то же: средства производства на фабрике, в государственном управлении, в армии и университете при помощи ступенчатого бюрократического аппарата концентрируются в руках тех, кто в этом аппарате господствует» (Вебер, 2003b [1918]: 311–312). Согласно Веберу, то же самое положение неизбежно будет воспроизведено и при социализме, поскольку и при этом социально-экономическом строе технические соображения административной рациональности и экономической эффективности в конечном счете возьмут верх над эсхатологическими мечтами об обществе без «господства». Поэтому для Вебера социализм как социально-экономическая система не являлся радикальным антиподом капитализма, поскольку он был твердо убежден, что в обоих случаях управление обществом в целом и отдельными сторонами его жизни в частности будет носить бюрократический характер, с той только разницей, что при социализме — в силу отсутствия института частной собственности и частного предпринимательства — «бюрократический деспотизм» примет еще более невыносимые и ярко выраженные формы. «Растущая „социализация“ сегодня, — указывал Вебер, — неизбежно означает растущую бюрократизацию» (Вебер, 2003a [1918]: 129).

В обществе, где, как в Советской России, будут национализированы основные отрасли экономики, и где государство, возглавляемое «литераторами» (Literaten), — так Вебер презрительно именует революционно настроенных представителей интеллигенции, — вознамерится управлять всеми сторонами жизни подвластных ему людей, действительно суждено будет воцариться диктатуре, но только это будет не диктатура пролетариата, о которой грезили большевистские вожди, но «диктатура чиновника». Как подчеркивал Вебер, национализация предприятий и фирм, ведущая к устранению частнохозяйственной бюрократии, ставит на ее место бюрократию государственную, против единого фронта которой рабочим будет намного труднее отстаивать свои профессиональные интересы. «На государственных предприятиях и предприятиях целевых союзов, — отмечал Вебер, — и подавно царит не рабочий, но исключительно *чиновник*; рабочему же с помощью забастовки здесь труднее чего-либо добиться, чем если бы он выступал против частного предпринимателя» (Вебер, 2003b [1918]: 327). Дэвид Битэм резюмирует эту теоретическую и одновременно практико-полемическую позицию Вебера:

Коль скоро распространение бюрократических административных систем было неизбежным, то это означало, что все надежды социалистов на будущее, лишенное «Herrschaft», т. е. господства меньшинства над большинством, были иллюзорными. Марксистская вера в то, что ниспровержение капитализма приведет к бесклассовому обществу, опиралась на ошибочное допущение, согласно которому частная собственность на средства производства являлась единственной основой власти меньшинства. Это утверждение было ошибочным с исторической точки зрения; оно не принимало во внимание характерных для современного общества возможностей классовобразования на основе технического знания и организационной власти, свойственных

развитому индустриальному обществу. Как полагал Вебер, иерархическая система управления, которой рабочий был подчинен на своем рабочем месте, была обусловлена самим характером организации сложных технологических процессов и потому ей было суждено пережить упразднение частной собственности. Расширение управленческих структур и административного персонала было продиктовано увеличением размера и сложности промышленных предприятий вне зависимости от формы собственности. (Beetham, 1987: 62)

Образ грядущего социалистического общества, полностью подчиненного бюрократической власти, служил Веберу одним из главных доводов против социализма. С его точки зрения, сохранение капиталистического хозяйства и системы частного предпринимательства в современном обществе было принципиально важным потому, что они представляли собой серьезный институциональный противовес государственной бюрократии. Конфликты и противоречия между государственной и частнохозяйственной бюрократиями в обществе служили, по мнению Вебера, важной гарантией сохранения индивидуальной свободы, как политической, так и хозяйственной, в обществе модерна. Социализм угрожал устранить это противоречие между государственной и частной бюрократиями, объединив их в одну-единственную бюрократическую систему управления, находящуюся в руках харизматического вождя или партийной элиты. Иначе говоря, в случае полного обобществления средств производства, находящихся в частных руках, и неминуемо последовавшего бы за этим упразднения класса частных предпринимателей хрупкое равновесие между государством и обществом оказалось бы нарушенным. Установилась бы диктатура чиновника, которую было бы очень сложно (если только вообще возможно), поставить под контроль общества. Результатом этого стало бы появление общества, знающего один только бюрократический идеал порядка и безопасности и управляемого единой бюрократической системой, способной свести на нет любой намек на проявление индивидуальной свободы.

Если бы удалось исключить частный капитализм, государственная бюрократия воцарилась бы *самодержавно*. А ныне существующие наряду с ней и, по меньшей мере, когда есть возможность, работающие друг против друга, т. е. пока еще в определенной степени взаимно держащие друг друга в постоянном страхе частные и общественные бюрократии объединились бы в одну-единственную иерархию. Как, например, в Древнем Египте, только в совершенно несравнимо более рациональной и потому более неминуемой форме. (Вебер, 2003а [1918]: 143)

Какую бы форму ни принял социализм на практике, доказывал Вебер, ему не будет дано кардинально изменить и улучшить положение рабочего класса. Более того, и речи не может идти о том, что ему удастся положить конец «отделению работников от средств производства». Если частная собственность на средства производства будет заменена на экономическую систему, в которой не будет места

частным предпринимателям и частным собственникам капитала, то определение планов экономического развития и распределение дефицитных ресурсов, необходимых для их осуществления, целиком и полностью перейдет в руки государственной бюрократии. Вебер подчеркивает:

Как бы там ни было, грубой ошибкой является, когда такое отделение рабочего от средств производства считается чем-то свойственным лишь хозяйству, тем более — *частному* хозяйству. Ведь сущность ситуации нисколько не меняется, если происходит замена хозяина этого аппарата, если, к примеру, вместо частного фабриканта этим аппаратом располагает государственный президент или министр. В любом случае «отделение трудящихся от средств производства» продолжается. (Вебер, 2003b [1918]: 310)

Социалистическая иллюзия и ее практические последствия

Невозможность управлять сложным современным обществом в ручном режиме «пролетарской диктатуры», возглавляемой революционными интеллектуалами, служила для Вебера главным организационно-техническим аргументом против осуществимости социализма в его большевистском варианте «диктатуры пролетариата»¹⁰. Иллюзией романтически настроенных критиков капитализма «слева» представлялась ему и идея ликвидации профессиональной управленческой прослойки в лице чиновничества, административно-хозяйственной

---

10. Об уровне дилетантских импровизаций, к которым сплошь и рядом сводилась практика большевистского «законотворчества» и управления в «героический период» Русской революции (1917–1920), хорошее представление дают воспоминания самих большевистских администраторов. Вот, например, что писал о практиках управления первого советского правительства Юрий Ларин (1882–1932), с 1917 по 1921 год — член президиума ВСНХ, осуществлявший оперативное управление делами этого органа власти. «Ленин называл первое полугодие Советской власти периодом „ларинской диктатуры“ в нашем хозяйственном строительстве... И тогда и позже я отдавал распоряжения о проведении в интересах восстановления уральского хозяйства некоторых незаконных мер, когда не видел иного быстрого и верного выхода. Например, когда весной 1918 г. на окраинах не хватало денег — я послал на Урал и в Туркестан радиотелеграммы, в которых от имени общесоветского правительства предоставлял Уралу и Туркестану право печатать собственные деньги (в то время допускалось составление мной разных законов и распоряжений по хозяйственной части, иногда даже гораздо более существенных)» (Ларин, 1924: 6). Здесь, помимо всего прочего, примечательна циничная откровенность одного из видных советских деятелей, который прямо квалифицирует свои распоряжения по хозяйственным вопросам как «незаконные меры». Еще более примечательно описание Лариным тогдашнего советского «законотворчества», которое было таковым лишь по названию. «Законодательная техника первых месяцев, — вспоминал Ю. Ларин, — была организована весьма оригинально. Официальную газету „Рабоче-Крестьянского правительства“ (предшественницу нынешних „Известий“) редактировал т. Зиновьев. Одни законы и постановления, принятые Совнаркомом, ему присылались из канцелярии СНК. Другие, написанные мною, клал я в Смольном в „ящик писем для редакции“ или передавал, или присылал. Зиновьев аккуратно печатал и то и другое в официальном отделе под названием „Действия и распоряжения правительства“ — и еще несколько лет спустя Владимир Ильич дразнил меня подписью „За бюро Ю. Ларин“. Ибо не желая злоупотреблять подписыванием его имени без его ведома, нередко подписывал таким образом, предоставляя желающим в будущем докапываться, что это за „бюро“, предписывающее всякие национализации, вводящее монополии, дающее льготы и сажающее в тюрьмы» (Ларин, 1924: 8).

и инженерно-технической интеллигенции и выполнения функций управления обществом и экономикой специальных выборных лиц, работающих за «зарплату рабочего». Уже весной—летом 1918 года выяснилось, что марксистская идея государства-коммуны была мертворожденной и что без хорошо оплачиваемого аппарата управления невозможно ни решать хозяйственные вопросы, ни создать новые вооруженные силы большевистского режима — сперва Красную Гвардию, а затем Красную Армию. Констатация подобного рода фактов служила для Вебера еще одним доказательством нежизнеспособности новой власти.

В любом случае Вебер был убежден, что коль скоро современное общество может рационально и эффективно управляться только профессиональной бюрократией, то в нем мало что можно изменить при помощи радикальной социальной инженерии. Даже радикальные революционные партии, вдохновляющиеся антибюрократической риторикой и идеей самоуправления масс, придя к власти, будут вынуждены считаться с несокрушимой логикой бюрократического управления. Именно по такому пути пошла коммунистическая власть в годы Гражданской войны, прибегнув к использованию старых специалистов в сфере управления и в армии, а также к возвращению к сдельной оплате труда в сочетании с милитаризацией труда на производстве и к жесткому рационированию продуктов питания и предметов первой необходимости в сфере потребления. В своем выступлении в июне 1918 года перед офицерами австро-венгерской армии Вебер нарисовал перед ними впечатляющую картину широкого использования тех рационально-буржуазных и «старорежимных» методов управления, которые большевики до прихода к власти яростно отвергали, но к использованию которых они довольно скоро были вынуждены вернуться ради удержания власти. Прежде всего, как отмечал Вебер на основе доходящих из Советской России скудных сведений, правительство большевиков было вынуждено на еще работающих предприятиях, дававших в общей сложности не более 10% продукции мирного времени, вновь ввести систему сдельной оплаты труда на том основании, что иначе невозможно добиться высокой производительности труда. Вебер говорил о большевиках:

Они оставляют предпринимателей во главе предприятий — поскольку только предприниматели обладают знанием дела — и предоставляют им весьма значительные субсидии. Далее, они стали платить офицерские оклады офицерам старого режима, поскольку большевикам нужна армия и они увидели, что без квалифицированных офицеров дело не пойдет. То, что эти офицеры, вновь заполучившие в свои руки рядовой состав, долго будут терпеть руководство упомянутых интеллектуалов, кажется мне сомнительным; правда, пока им приходится с этим мириться. И, наконец, под угрозой лишения хлебных карточек большевики принудили работать на себя и часть бюрократии. (Вебер, 2003b [1918]: 336–337)¹¹

11. В данном случае Вебер оказался совершенно прав, несмотря на отсутствие в воюющей Германии достоверной информации из Советской России. К концу 1918 г. старые чиновники уже составляли подавляющее большинство служащих центрального государственного аппарата. По данным материалов переписи советских служащих в Москве, к осени 1918 г. их насчитывалось: в Наркомате финансов

В любом случае, заключает Вебер, «длительно руководить таким способом государственной машиной и экономикой невозможно, и этот эксперимент до сих пор вызывает не слишком много воодушевления. Поразительно лишь то, что такая организация вообще функционирует в течение столь долгого времени» (Вебер, 2003b [1918]: 337).

Настоятельная потребность наладить рациональное управление национализированной промышленностью и вооруженными силами в лице Красной Армии камня на камне не оставляла от прежних социалистических идеалов, поскольку решение этих совершенно неотложных для выживания большевистского режима задач требовало внедрения буржуазной оплаты и военной дисциплины труда на производстве и не менее жесткой дисциплины в повседневной жизни, имеющей мало общего как с гуманистическими социалистическими идеалами, так и с направленными против буржуазной дисциплины и личной ответственности формами богемной жизни. «Советы же со своей стороны, — констатировал Вебер в 1919 году, — сохраняют или, скорее, снова вводят высокое вознаграждение предпринимателям, аккордную зарплату, систему Тейлора, военную и трудовую дисциплину и ведут поиски иностранного капитала — одним словом, снова должны принимать *все* то, с чем были вынуждены бороться как с классовыми буржуазными учреждениями, чтобы вообще сохранить в действии государство и хозяйство» (Вебер, 1990a [1919]: 672). По сути дела, большевистским вождям, вынужденным вскоре после революции прибегнуть к использованию «буржуазных специалистов» и капиталистических методов организации труда и производства, а после окончания Гражданской войны заговорившим о необходимости разработки и прививки широким народным массам нового «коммунистического образа» жизни, основанного на принципах личной ответственности, трудовой дисциплины и нормативной рационализации повседневной жизни, пришлось в конце концов, пусть и нехотя, признать правоту Вебера.

К критике идеи национализации или социализации народного хозяйства и создания планово-централизованной социалистической экономики у Вебера приемыкает критика концептуального ядра политической доктрины марксистского социализма — учения о диктатуре пролетариата. То, что марксисты по привычке называют «диктатурой пролетариата», и опыт социалистической революции в России доказывает это лишний раз, на практике является, по мнению Вебера, диктатурой харизматического вождя и идущей за ним партийной свиты. Можно с полным правом сказать, что пример революций в России и Германии только еще больше укрепил Вебера в убеждении, что «ни сильная единая внешняя, ни подобная внутренняя политика массовых государств не может *эффективно* проводиться коллегиально. Особенно для целей социализации „диктатура пролетариата“

97,5%, Наркомате путей сообщения — 88,1%, Наркомате госконтроля — 80%, Наркомате здравоохранения — 60,9%, Наркомпроде — 60,8%, Наркомате торговли и промышленности — 56,2% (Ирошников, 1973: 53–54). Только в двух ведомствах — ВЧК и Наркомате иностранных дел — они составляли незначительное меньшинство — 16,1% и 22,9% соответственно.

как раз требует *диктатора*, движимого доверием масс. Именно этого не могут и не хотят стерпеть не „массы“, а массовые парламентские, партийные или (что не составляет никакой разницы) властвующие в Советах господ» (Weber, 1976a: 163), — писал он. Напротив, ленинская идея государства-коммуны, основанного на постепенном отмирании государства как «живой машины» господства, управляемой профессиональной бюрократией, представлялась Веберу чистой утопией, опровергнутой к тому же самым ходом истории. Не менее резко Вебер отзывался и о системе Советов, в которой он, в отличие от вождей большевизма, видел не зародыши политической власти рабочего класса, но прямой путь к хаотизации общественно-политической жизни¹².

Можно с полным правом сказать, что широкое использование большевиками старых специалистов в органах государственной власти и в Красной Армии, а также Ноябрьская революция в Германии 1918 года, в ходе которой старый чиновничий аппарат империи без особых изъятий и сокращений перешел на сторону новой власти, укрепили Вебера в убеждении, что современный бюрократический аппарат есть не что иное, как функционирующая по формальным правилам «живая машина» рационального управления, которая готова без разбора служить тому, кто проявляет в ней заинтересованность, а также готов выплачивать чиновникам причитающееся им жалованье и обеспечивать им подобающее социальное положение в обществе. «Выяснилось, — писал Вебер в ноябре 1918 года, — что бюрократическая машина по характеру своих идеальных и материальных движущих сил и в связи с природой современной хозяйственной жизни, которая при сбое в этой машине оказалась бы в катастрофическом состоянии, — при известных условиях, не раздумывая, готова служить каждому, кто физически обладает средствами насилия и гарантирует сохранность чиновничьих должностей» (Вебер, 2003с [1918]: 347).

По словам Вебера, «как подчиненные обычно могут противодействовать уже существующему бюрократическому господству только путем создания собственной контрорганизации (*Gegenorganisation*), также подверженной бюрократизации, так и сам бюрократический аппарат (в силу принудительно действующих интересов и материального, и чисто содержательного, т. е. идеального, рода) привязан к необходимости своего дальнейшего функционирования» (Weber, 1976a: 128). Поскольку «возможности овладения этим аппаратом со стороны *непрофессионала* ограничены», то сама «потребность в постоянном, строгом, интенсивном и *калькулируемом* управлении» не позволит новому социалистическому обществу обойтись без использования бюрократического аппарата. Поэтому «всякий *рациональный* социализм должен был бы просто воспринять и развить» этот аппарат,

12. Впрочем, скептическим отношением к Советам как форме политической власти была отмечена позиция всех выдающихся социально-политических мыслителей из числа представителей немецких академических кругов. «Ни Дельбрюк, ни Мейнеке, ни Вебер, — констатирует А. И. Патрушев, — не верили в жизнеспособность советской системы. Мейнеке даже полагал, что „после такой катастрофы Россия никогда не сможет вновь стать великой державой“. В этом с ними были единодушны и пангерманские историки» (Патрушев, 1992: 82).

ибо потребность в рациональном управлении «обуславливает судьбу бюрократии как ядра *всякого* массового управления» (Weber, 1976a: 128–129).

Выводы, к которым Вебер пришел в результате анализа опыта Октябрьской революции 1917 года в России и Ноябрьской революции 1918 года в Германии, звучали довольно неутешительно для адептов марксистского социализма. Вместо того чтобы знаменовать собой зарю новой эпохи, ведущей к упразднению эксплуатации человека человеком, эти социальные перевороты представляли собой всего лишь еще один шаг на пути процесса бюрократизации современного мира, более того, они придавали ему дополнительное ускорение. Ян-Вернер Мюллер отмечает:

Вся эта динамика и послужила конечной причиной, по которой Макс Вебер отвергал социализм. По его мнению, побочным следствием социализма является кошмар универсальной бюрократизации: социализм объединяет то, что, по крайней мере на Западе, существует по отдельности, а именно экономическую и государственную бюрократию, и приводит к «диктатуре бюрократа». По этой причине Вебер с нарастающим ужасом следил за большевистским «великим экспериментом» (Müller, 2013: 40).

Некоторые итоги и уроки

В начале XX века Макс Вебер был одним из тех немногих социальных ученых немарксистской ориентации, которые признавали возможность существования социализма как особой политической и социально-экономической системы. Однако его главное внимание было приковано к феномену рационального промышленного капитализма западного типа и, говоря шире, к имеющим всемирно-историческое значение процессам рационализации политической, религиозной, социально-экономической и культурной жизни, приводящей к его появлению в современную эпоху на Западе. В соответствии со своим теоретическим подходом Вебер выделял две формы социализма — одну современную, связанную с рациональным промышленным капитализмом, фабричной дисциплиной труда и возникающим на их основе массовым рабочим движением, а потому ставящую во главу угла проблемы рациональной организации производства на коллективистской основе, и другую, которая выводит на первый план проблему распределения общественного богатства на уравнивательных началах. Эту вторую форму социализма, в основе которой лежит идеал распределительной справедливости и которая не является сугубо современной, но встречается в мировой истории на всем ее протяжении, Вебер называет «коммунизмом». В разделах «Хозяйства и общество», относящихся к 1918–1919 годам, он специально оговаривается, что эта «противоположность между эволюционистской и ориентированной на проблему производства (прежде всего марксистской), с одной стороны, и исходящей из распределения (сегодня снова именуемой „коммунистической“) рационально-плановой формой социализма — с другой, отнюдь не сгладилась со времен „Нищеты философии“ Маркса» (Weber, 1976a: 61). К доктринальным расхождениям между двумя этими форма-

ми социализма Вебер сводил и истоки раскола российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков, правда, оговариваясь при этом, что не менее важную роль в этом расколе играла борьба за власть и души потенциальных адептов между вождями соперничающих фракций российской социал-демократии. «Конфликт внутри русского социализма с его страстными спорами между Плехановым и Лениным сводится в конечном счете к этим же проблемам, как и сегодняшний раскол в социалистическом движении; несмотря на то что в первую очередь он вызван ожесточенной борьбой за руководящие должности и кормления, он одновременно обусловлен и этой проблематикой» (Weber, 1976a: 61).

Само появление современного социализма, как подчеркивал Вебер, стало возможным только на почве рационального промышленного капитализма, менового рыночного хозяйства и рациональной организации свободного наемного труда в форме делового предприятия. Как и в случае с капитализмом, предложенный Вебером анализ предполагает, что социализм в его уравнилельно-распределительной форме, социализм в обличье «коммунизма» представляет собой всемирно-историческое явление, которое можно встретить в самых разных странах в самые разные эпохи. Однако рациональный социализм, основанный на массовом рабочем движении и организационно оформленный в виде партийного социализма социал-демократического типа, возникает только на Западе и лишь в XIX веке. Более того, он представляет собой, по сути дела, побочный продукт рационального промышленного капитализма западного типа. По словам Вебера, «из этой жизненной ситуации, из фабричной дисциплины и возник современный социализм. Социализм разнообразнейших типов существовал повсюду, во все времена и во всех странах мира. Современный социализм во всем его своеобразии возможен только на этой основе» (Вебер, 2003b [1918]: 327).

В силу этого только в индустриальном капиталистическом обществе на Западе в качестве базисного социального конфликта смог оформиться конфликт между трудом и капиталом, между свободными наемными работниками и частными капиталистическими собственниками и предпринимателями. «За пределами Запада полностью отсутствует характерная для современного мира противоположность между крупными промышленниками и свободными наемными рабочими. Поэтому нигде, кроме Запада, не могла сложиться та проблематика, которая свойственна современному социализму» (Вебер, 1990b [1920]: 53).

По этой причине Вебер считал, что социализм не сойдет с политической и социальной повестки дня современности до той поры, пока продолжает существовать современный рациональный промышленный капитализм западного типа с характерным для него базисным социальным конфликтом между трудом и капиталом, частными предпринимателями и наемными работниками. «Я придерживаюсь мнения, — подчеркивал он, — что средств покончить с социалистическими убеждениями и надеждами не существует. Рабочие будут вновь и вновь становиться в каком-то смысле социалистами. Вопрос лишь в том, будет ли этот социализм терпимым с точки зрения государственных интересов» (Вебер, 2003b [1918]: 342).

Тем не менее к самой идее о возможности построения в условиях развитого индустриального общества социализма, политический строй которого представлял бы собой диктатуру пролетариата, а хозяйственный строй — централизованную плановую экономику, основанную на натуральном обмене, Вебер относился резко отрицательно. По его мнению, такие характерные особенности современного индустриального общества, как технологическая необходимость отделения работников от средств производства, равно как и превосходство рационального бюрократического господства над всеми прочими формами управления делают неосуществимой идею социалистической революции как «прыжка из царства необходимости в царство свободы» (Маркс). «Такой аппарат, — писал Вебер о рациональной бюрократии еще до Первой мировой войны, — чем дальше, тем больше делает чисто технически невозможными „революции“ в смысле насильственного создания совершенно новых образований господства благодаря своему контролю над современными средствами сообщения и коммуникации (телеграф), а также вследствие возрастания рациональности его внутренней структуры» (Weber, 1976b: 571). Тот политический и хозяйственный строй, который может прийти на смену рациональному промышленному капитализму, вместо того чтобы уничтожить эксплуатацию человека человеком и заменить бюрократическую систему господства демократическим самоуправлением масс, лишь доведет до логического конца универсальный и неизбежный процесс бюрократизации современного общества. Иными словами, для Вебера социализм в форме «государственного социализма» представлял собой еще один шаг по пути бюрократизации современного мира и, следовательно, «растущую несвободу», а в форме диктатуры пролетариата — «диктатуру харизматического вождя или партийной элиты» (Патрушев, 1992: 162).

Еще одним важным доводом против жизнеспособности социалистического общества служил для Вебера аргумент об экономической несостоятельности централизованной плановой экономики. Вопрос о жизнеспособности социалистической экономики и декларируемом марксистами ее превосходстве в плане эффективности и рациональности над рыночно-капиталистической экономикой Вебер в своих поздних работах рассматривает через призму понятийного противопоставления «менового» (Verkehrswirtschaft) и «планового» (Planwirtschaft) хозяйства (Weber, 1976a: 59–60). Хозяйственный строй государственного социализма принимает форму планового хозяйства, т. е. он представляет собой зависящий от государственной бюрократии хозяйственный союз или деловое предприятие, которые, опираясь на натуральный расчет и плановую организацию, ориентируются на удовлетворение потребностей. По мнению Вебера, именно использование денежного расчета, особенно в его наиболее совершенной форме — форме расчета капитала, позволяет добиться наивысшей степени формальной рациональности, т. е. точной рациональной калькуляции всех хозяйственных операций, в условиях менового (рыночно-капиталистического) хозяйства. Напротив, плановая экономика в решающей степени зависит как от натурального расчета, определяющего

предметные цели ее развития, так и от директивных указаний административных органов управления. В условиях нетоварной социалистической экономики, не знающей денежного и шире — хозяйственного расчета в форме капитального расчета и не имея возможности ориентироваться на информацию, предоставляемую системой рыночных цен, административный аппарат правящей партии или социалистического государства был бы вынужден регулировать массовое потребление при помощи иррациональных средств. Обсуждая вопрос о том, почему эффективный экономический расчет невозможен в условиях плановой социалистической экономики, Вебер указывает, что проблема того, массовому выпуску каких товаров следует отдавать приоритет с точки зрения общества, при социализме может быть разрешена либо путем следования традиции, либо путем подчинения «приказу диктаторской власти, неким строго определенным образом (*eindeutig*) регулирующей потребление» (Weber, 1976a: 56). Кроме того, по словам Вебера, «в случае его радикальной реализации плановому хозяйству придется смириться с уменьшением степени формальной, *расчетной* рациональности, что неизбежно произойдет с исчезновением денежного и капитального расчета» (Weber, 1976a: 60). Иными словами, с точки зрения Вебера, рынок в любом случае действует как более рациональный механизм в плане максимально точного расчета хозяйственных операций, чем система централизованного планирования.

В заключение сформулируем несколько важных, на наш взгляд, уроков, вытекающих из веберовского анализа опыта практического осуществления социализма в России в 1917–1918 годах. Несмотря на то что, как справедливо отмечает Моммсен, Вебер «в 1918 году неверно оценил природу возникающей марксистско-ленинской системы, отчасти из-за того, что он находился под влиянием своих националистических воззрений, а отчасти потому, что информация относительно революционных событий в России, которую позволяла публиковать немецкая цензура, была сильно искажена» (Mommesen, 1997: 14), проведенный им по горячим следам анализ социалистического эксперимента в России обладал несомненными достоинствами, причем не только практико-полемиического, но и социально-теоретического свойства. Это касается как его тезиса о тотальной бюрократизации социалистического государства, лишенного альтернативы в виде частного предпринимательства и свободных рабочих профсоюзов, так и тезиса о политической диктатуре вождя или партийной элиты, стоящих над обществом и свободных от сколько-нибудь серьезного контроля с его стороны. Кроме того, в противоположность многим теоретикам и экономистам социалистического толка вроде О. Нейрата Вебер еще в 1918–1920 годах высказал довольно серьезные и впоследствии оправдавшиеся сомнения насчет того, что при социализме как социально-экономической системе — в условиях отказа от рынка, складывающейся на нем системы цен и денежного расчета капитала, — хозяйственные дела будут вестись более рационально, чем при частнохозяйственном капитализме.

Наконец, немаловажным достоинством теоретического подхода, предложенного Вебером, является то, что «анализ советского общества, который строится

на его идеях, позволяет избежать упрощенного подхода, рассматривающего бюрократическую диктатуру как порождение личной власти стремящихся к ней индивидов. Согласно веберианской точке зрения, господствующее положение бюрократических структур определяется их социальной функцией в системе плановой экономики, а также властью и привилегиями, связанными с этой функцией и имеющими тенденцию к расширению в условиях отсутствия иных центров власти. Это — результат социалистического проекта, и его нельзя списать на неблагоприятные условия, в которых такой проект был впервые осуществлен» (Beetham, 1987: 67). Можно сказать, что использование веберианской перспективы позволяет зафиксировать одну из ключевых черт советского опыта, а именно центральную роль советского государства-партии и его бюрократических структур как главного агента социальных изменений, происходивших в советском обществе. Эта концептуализация отношений между государством-партией и динамикой социальных изменений в веберианском ключе позволяет по-новому поставить целый ряд важных проблем истории и природы советского общества, разработка которых еще ждет своего часа.

Литература

- Бруцкус Б. Д.* (1922). Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // *Экономист*. № 1 (I–IV), 2 (V–VI), 3 (VII–X).
- Бруцкус Б. Д.* (1999 [1923]). Социалистическое хозяйство: теоретические мысли по поводу русского опыта. М.: Стрелец.
- Вебер М.* (1990а [1919]). Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // *Вебер М. Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 644–706.
- Вебер М.* (1990б [1920]). Предварительные замечания / Пер. с нем. М. И. Левиной // *Вебер М. Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 44–60.
- Вебер М.* (2003а [1918]). Парламент и правительство в новой Германии // *Вебер М. Политические работы (1895–1919)* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 107–299.
- Вебер М.* (2003б [1918]). Социализм // *Вебер М. Политические работы (1895–1919)* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 300–342.
- Вебер М.* (2003с [1918]). Будущая государственная форма Германии // *Вебер М. Политические работы (1895–1919)* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 343–393.
- Грациози А.* (2016). История СССР / Пер. с франц. В. Любина и др. М.: РОССПЭН.
- Дмитриев Т. А.* (2014). Оспаривая политическую демократию: Ян-Вернер Мюллер о политическом опыте Европы XX века // *Нарочницкая Е. А.* (ред.). Россия и мир: анатомия международных процессов. М.: Международные отношения. С. 319–338.
- Ирошников М. П.* (1973). К вопросу о слове буржуазной государственной машины в России // *Токарев Ю. С., Ковальчук В. М., Носов Н. Е., Петрикеев Д. И., Соболев*

- Г. Л., Фрайман А. Л. (ред.). Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л.: Наука. С. 46–66.
- Ларин Ю. (1924). Интеллигенция и революция: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Госиздат.
- Лосский Н. О. (1991). Воспоминания. Жизнь и философский путь // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 116–190.
- Мизес Л. фон. (1994 [1932]). Социализм: экономический и социологический анализ / Пер. с англ. Б. С. Пинскера М.: Catallaxy.
- Патрушев А. И. (1992). Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во МГУ.
- Beetham D. (1985 [1974]). Max Weber and the Theory of Modern Politics. Cambridge: Polity Press.
- Beetham D. (1987) Bureaucracy. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Breuer S. (1992). Soviet Communism and Weberian Sociology // Journal of Historical Sociology. Vol. 5. № 3. P. 267–290.
- Kaube J. (2014). Max Weber. Ein Leben zwischen den Epochen. Berlin: Rowohlt.
- Mises L. von. (1920). Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Bd. XLVII. № 1.
- Mises L. von. (1922). Die Gemeinschaft: Untersuchungen über den Sozialismus. Wien: Gustav Fischer.
- Mommsen W. J. (1959). Max Weber und die deutsche Politik. Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Mommsen W. J. (1997). Max Weber and Regeneration of Russia // Journal of Modern History. Vol. 69. P. 1–17.
- Mommsen W. J. (2000). Max Weber's «Grand Sociology»: The Origins and Composition of «Wirtschaft und Gesellschaft» // History and Theory. Vol. 39. № 3. P. 364–383.
- Parkin F. (2002). Max Weber. London: Routledge.
- Somary F. (1994). Erinnerungen eines politischen Meteorologen. München: Matthes & Seitz.
- Weber M. (1976a). Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie. Hbd. I / Hrsg. J. Winckelmann. Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Weber M. (1976b). Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie. Hbd. II / Hrsg. J. Winckelmann. Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Weber M. (1988a [1917]). Rußlands Übergang zur Scheindemokratie // Weber M. Gesammelte Politische Schriften. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1988. S. 197–215.
- Weber M. (1988b [1918]) Innere Lage und Aussenpolitik // Weber M. Gesammelte Politische Schriften. Tübingen: J. C. B. Mohr. S. 292–305.
- Weber M. (1988c) . Gesamtausgabe. Bd. 16, Abt. I: Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden, 1918–1920 / Hrsg. W. J. Mommsen, W. Schwentker. Tübingen: J. C. B. Mohr.

The Russian Revolution as an Experimental Refutation of Socialism: Max Weber's Version

Timofey A. Dmitriev

Associate Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: tdmitriev@hse.ru

Max Weber was one of the first social scientists to give a critical analysis of the socialist experiment in Russia from 1917 to 1920. The fundamental importance of this segment of Weber's heritage today is that Weber makes his interpretation of the 1917 Russian Revolution not only from a practical-polemical standpoint, but also from a theoretical-sociological one. The main focuses in the article are Weber's analysis of the Russian revolution from the point of view of the practical results of Bolshevik policies, and his comparison of the policies of the Bolsheviks during the Russian Revolution and Civil War of 1917–1920 with the doctrinal propositions of Marxist socialism. The article also deals with Weber's thesis of the unavoidable bureaucratization of socialist society, and with his comparative analysis of the market and the planned economy. In conclusion, we formulate the idea of the heuristic potential which Weber's analysis of the experience of the practical implementation of socialism in Russia might have for contemporary studies of the history of Soviet society.

Keywords: Russian Revolution, socialism, Bolshevik Party, state bureaucracy, planned economy, bureaucratization of the world

References

- Beetham D. (1985) *Max Weber and the Theory of Modern Politics*, Cambridge: Polity Press.
- Beetham D. (1987) *Bureaucracy*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Breuer, S. (1992) Soviet Communism and Weberian Sociology. *Journal of Historical Sociology*, vol. 5, no 3, pp. 267–290.
- Brutskus B. (1922) Problemy narodnogo hozjajstva pri socialisticheskom stroe [Problems of National Economy under the Socialist System]. *Economist*, no 1 (I–IV), 2 (V–VI), 3 (VII–X).
- Brutskus B. (1999) *Socialisticheskoe hozjajstvo: teoreticheskie mysli po povodu russkogo opyta* [Socialist Economy: Theoretical Thoughts about the Russian Experience], Moscow: Strelets.
- Dmitriev T. (2014) Osparivaja politicheskiju demokratiju: Jan-Verner Müller o politicheskom opyte Evropy XX veka [Contesting Political Democracy: Jan-Verner Müller about the Political Experience of the 20th Century Europe]. *Rossija i mir: anatomija mezhdunarodnyh processov* [Russia and the World: Anatomy of International Processes] (ed. E. Narochnickaya), Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, pp. 319–338.
- Graziosi A. (2016) *Istorija SSSR* [History of the USSR], Moscow: ROSSPEN.
- Iroshnikov M. (1973) K voprosu o slome burzhuaznoj gosudarstvennoj mashiny v Rossii [Toward the Question of Dismantling of Bourgeois State Apparatus in Russia]. *Problemy gosudarstvennogo stroitel'stva v pervye gody Sovetskoy vlasti* [The Problems of State Building in the Early Years of Soviet Power] (ed. Y. Tokarev), Leningrad: Nauka, pp. 46–66.
- Kaube J. (2014) *Max Weber: Ein Leben zwischen den Epochen*, Berlin: Rowohlt.
- Larin J. (1924) *Intelligencija i revoljucija: hozjajstvo, burzhuazija, revoljucija, gosapparat* [Intellectuals and Revolution: Economy, Bourgeoisie, Revolution, State Apparatus], Moscow: Gosizdat.
- Losky N. (1991) Vospominanija. Zhizn' i filosofskij put' [Memoirs. Life and Philosophical Path]. *Voprosy filosofii*, no 11, pp. 116–190
- Mises L. von (1920) Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen. *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*, vol. XLVII, no 1.
- Mises L. von (1922) *Die Gemeinschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*, Wien: Gustav Fischer.

- Mises L. von (1994) *Socializm: jekonomicheskij i sociologicheskij analiz* [Socialism: The Economical and Sociological Analysis], Moscow: Catallaxy.
- Mommsen W. J. (1959) *Max Weber und die deutsche Politik*, Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Mommsen W. J. (1997) Max Weber and Regeneration of Russia. *Journal of Modern History*, vol. 69, pp. 1–17.
- Mommsen W. J. (2000) Max Weber's "Grand Sociology": The Origins and Composition of "Wirtschaft und Gesellschaft". *History and Theory*, vol. 39, no 3, pp. 364–383.
- Parkin F. (2002) *Max Weber*, London: Routledge.
- Patrushev A. (1992) *Raskoldovannyj mir Maksa Webera* [The Disenchanted World of Max Weber], Moscow: MSU Press.
- Somary F. (1994) *Erinnerungen eines politischen Meteorologen*, München: Matthes & Seitz.
- Weber M. (1976) *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie, Hbd. I*, Tübingen: J. B. C. Mohr.
- Weber M. (1976) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie, Hbd. II*, Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Weber M. (1988) Rußlands Übergang zur Scheindemokratie. *Gesammelte Politische Schriften*, Tübingen: J. C. B. Mohr, pp. 197–215.
- Weber M. (1988) Innere Lage und Aussenpolitik. *Gesammelte Politische Schriften*, Tübingen: J. C. B. Mohr, pp. 292–305.
- Weber M. (1988) *Gesamtausgabe, Bd. 16, Abt. I: Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden, 1918–1920*, Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Weber M. (1990) Politika kak prizvanie i professija [Politics as a Vocation]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 644–706.
- Weber M. (1990) Predvaritel'nye zamechanija [Preliminary Observations]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 44–60.
- Weber M. (2003) Parlament i pravitel'stvo v novej Germanii [Parliament and Government in the New Germany]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works (1895–1919)], Moscow: Praxis, pp. 107–299.
- Weber M. (2003) Socializm [Socialism]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works (1895–1919)], Moscow: Praxis, pp. 300–342.
- Weber M. (2003) Budushhaja gosudarstvennaja forma Germanii [Future Political Form of Germany]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works (1895–1919)], Moscow: Praxis, pp. 343–393.